Стратиграфия конфликта: основания общей теории многослойного вооружённого противостояния

Безкади Фади
к-т полит. наук, Кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает фундаментальная аномалия современной конфликтологии. Вооружённые конфликты перестали заканчиваться. Военные победы не производят мира, подписанные соглашения не останавливают насилия, а зрелость конфликта для урегулирования, предсказываемая теорией, не наступает десятилетиями. Цель работы состоит в том, чтобы объяснить эту аномалию не свойствами отдельных конфликтов, а строением конфликта как такового, и построить на этом объяснении общую теорию. Методология включает аксиоматическую реконструкцию понятия конфликта, формулировку законов движения многослойных противостояний, выведение теорем и проверку теории на критическом случае, то есть на сирийском конфликте как противостоянии с максимальной документированной слоистостью. Результаты работы состоят в следующем. Современный вооружённый конфликт есть не событие и не процесс, а стратиграфическая структура. Это наложение автономных слоёв противостояния, то есть локального, регионального и глобального. Каждый слой обладает собственными акторами, ставками, аудиториями, собственным временем и собственными условиями завершения. Слои связаны не суммированием, а конверсией, поскольку акторы обменивают ресурсы, легитимность и насилие одного слоя на позиции в другом. Сформулированы четыре закона, а именно законы несинхронности часов, межслойной конверсии, осадконакопления и полного замыкания. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой продолжительность и рецидивность конфликта выводятся из его стратиграфического строения, а не из неразрешённости предмета спора. Конфликт длится не потому, что стороны не договорились, а потому, что его слои не могут завершиться одновременно, тогда как незавершённые слои реконвертируют любое частичное урегулирование в топливо. Теория операционализирована стратиграфическим профилем конфликта и индексом замыкания и дополнена пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает конфликтологию, теорию урегулирования, миротворческую практику и прогнозирование рецидивов вооружённого насилия. Основной вывод состоит в том, что мир есть не противоположность войны, а редкое состояние одновременного замыкания всех её слоёв, и добиваться его следует не поиском компромисса внутри одного слоя, а синхронизацией часов всех слоёв сразу.

Ключевые слова: конфликтология, стратиграфия конфликта, многослойный конфликт, урегулирование, зрелость конфликта, интернационализированная гражданская война, рецидив насилия, конверсия, замыкание конфликта, сирийский конфликт.

Введение: конфликты, которые перестали заканчиваться

Наука о конфликте выросла из предпосылки, которая казалась самоочевидной. Конфликт есть нечто, что завершается. Клаузевицевская традиция видела в войне инструмент, применяемый до достижения цели [1]. Социология конфликта видела в противостоянии функциональный эпизод, разряжающий напряжение и восстанавливающий равновесие [2; 3]. Количественная конфликтология искала шаги к войне и, соответственно, шаги от неё [4; 5]. Практика последних десятилетий разошлась с предпосылкой. Конфликты новейшего поколения не завершаются ни победой, ни соглашением. Военный разгром одной из сторон оставляет насилие на месте, подписанные документы не исполняются, а прекращения огня становятся фазами войны, а не выходами из неё [6; 7; 35]. Сирийское противостояние довело аномалию до предела. Конфликт пережил военный перелом, десятки перемирий и три параллельных переговорных формата, и продолжал воспроизводиться [6; 8]. Конфликтология отвечает на аномалию перечислением осложняющих факторов, то есть внешнего вмешательства, фрагментации сторон и военной экономики [34; 36]. Настоящая статья предлагает другой путь. Аномалия объясняется не осложнениями конфликта, а его строением. Современный конфликт слоист, его слои автономны и несинхронны, и именно из этой стратиграфии выводимы и его продолжительность, и его рецидивы, и бессилие частичных урегулирований. Статья строит эту теорию с оснований. Это аксиомы, законы, теоремы, измерение, проверка и условия опровержения.

1. Чего не видят существующие теории конфликта

Диагноз требует точности по трём направлениям. Инструментальная традиция, от Клаузевица до современного стратегического анализа, мыслит конфликт как действие единого субъекта с единой целью [1; 9]. Но в слоистом конфликте нет единого субъекта. Локальный командир, региональный патрон и глобальная держава ведут разные войны на одном поле, и цель войны не определена, потому что войн несколько. Функциональная традиция, от Г. Зиммеля до Л. Козера, понимает конфликт как форму социации с интегративными следствиями [2; 3]. Она глубже инструментальной, но молчаливо предполагает один социальный контур, внутри которого конфликт выполняет функции. При нескольких контурах функция конфликта в одном слое оборачивается дисфункцией в другом. Той же однослойной рамке остаются верны и структурные теории агрессии [33]. Количественная традиция ищет закономерности в диадах и шагах эскалации [4; 5; 10] и достигла многого в объяснении начала войн. Однако её единица, то есть диада, аналитически разрезает то, что онтологически склеено. Интернационализированный конфликт есть не сумма диад, а их наложение с перетоками между этажами. Показательно, что именно в этой традиции получен результат, наиболее близкий к предлагаемой теории. Число независимых акторов с правом вето предсказывает продолжительность гражданской войны лучше, чем содержание спора [37]. Результат зафиксирован, но остался без объяснения, поскольку в однослойной рамке акторы суммируются, а не расслаиваются. Проблема уровней анализа поставлена в дисциплине давно [11; 12]. Но поставлена она как проблема наблюдателя, выбирающего этаж описания. Настоящая теория переносит уровни из методологии в онтологию. Слои суть свойство самого конфликта, а не оптики исследователя. Отдельные шаги в этом направлении сделаны в исследованиях миростроительства, где предложен транс-масштабный подход к взаимодействию уровней урегулирования [38]. Однако там уровни остаются полем координации практик, а не структурой с собственными законами движения.

2. Центральное понятие: конфликтный слой и стратиграфия

Конфликтный слой, или стратум, есть автономный контур противостояния внутри общего конфликтного поля, обладающий пятью собственными элементами, то есть акторами, ставками, аудиториями, временем и условиями завершения. Автономия означает несводимость. Ставки слоя не переводятся в ставки другого слоя без остатка, его аудитории не совпадают с чужими, его завершение не влечёт чужого завершения. Стратиграфия конфликта есть вертикальное строение конфликтного поля, то есть число слоёв, их состав

и связи между ними. Геологическая аналогия подчинена двум ограничениям. Во-первых, слой допускается как аналитическая единица лишь при наличии автономной пары «акторы и условия завершения», наблюдаемой в источниках. Во-вторых, аналогия обязана производить следствия, отличные от следствий имеющихся теорий интернационализации. Оба ограничения проверяются ниже для каждого закона. Без них перенос вырождается в метафорику. Базовая стратиграфия современного крупного конфликта трёхслойна. Локальный слой образует борьба за власть, территорию и выживание между внутренними акторами [13; 14]. Региональный слой образует соперничество соседних держав за влияние через внутренних клиентов [15; 16]. Глобальный слой образует противостояние великих держав, для которых арена есть эпизод системного соперничества [6; 17]. Слои связаны отношением, составляющим ядро теории. Это конверсия. Акторы систематически обменивают активы одного слоя на позиции в другом. Локальный актор продаёт своё положение на земле региональному патрону за оружие и деньги [15; 18]. Глобальная держава конвертирует присутствие в локальном слое в статус на глобальном [17; 19]. Региональный игрок обменивает лояльность великой державе на свободу рук против локального противника [16]. Конфликтное поле, таким образом, есть не арена одной борьбы, а биржа, на которой торгуются насилие, лояльность и легитимность разных этажей.

3. Аксиоматика

Теория покоится на четырёх аксиомах. Первая аксиома гласит, что конфликт есть структура, а не событие. Он существует не во времени происшествий, а во времени слоёв, и описывается не хроникой, а стратиграфическим профилем. Вторая аксиома гласит, что слои автономны. Каждый слой имеет собственные условия завершения, и ни одно из них не выводимо из чужих [11; 20]. Третья аксиома гласит, что слои связаны конверсией. Единственным системным отношением между слоями выступает обмен активами. Конверсия и есть механизм, превращающий несколько войн в один конфликт [15; 18]. Четвёртая аксиома гласит, что у каждого слоя собственные часы. Темп локального слоя задаётся боевым циклом и выживанием. Темп регионального слоя задаётся циклами региональной политики. Темп глобального задаётся медленными сдвигами системного соперничества [6; 21]. Из аксиом следует определение предмета. Наука о конфликте есть наука о вертикальных структурах насилия, то есть об их слоях, конверсиях, темпах и условиях одновременного замыкания.

4. Четыре закона стратиграфии

Первый закон есть закон несинхронности часов. Слои конфликта созревают к завершению в разное время, и моменты их готовности не совпадают закономерно, а не случайно. Часы слоёв приводятся в движение разными механизмами и не имеют общего регулятора. Следствие фундаментально. Зрелость конфликта для урегулирования есть не фаза, которую нужно дождаться, а маловероятное совпадение, то есть одновременный бой несинхронных часов [7; 20; 39]. Второй закон есть закон межслойной конверсии. Пока конверсия прибыльна хотя бы для одного значимого актора, конфликтное поле воспроизводится независимо от состояния предмета спора. Урегулирование, закрывающее слой, не гасит конфликт, а меняет курс обмена. Активы закрытого слоя перетекают в открытые, где их ценность возрастает [15; 22]. Отсюда следует, что частичное урегулирование систематически интенсифицирует незакрытые слои, не вопреки миротворчеству, а вследствие его частичности. Третий закон есть закон осадконакопления. Каждая фаза конфликта откладывает осадок, то есть вооружённые структуры, военные экономики, прецеденты насилия, идентичности вражды и институты обхода [18; 23]. Осадок не исчезает с завершением фазы. Он становится субстратом следующей. Конфликт, следовательно, не заканчивается. Он осаждается, и рецидив прорастает не из старого предмета спора, а из накопленного осадка [13; 24; 40]. Отсюда следует, что вероятность рецидива предсказывается объёмом осадка лучше, чем содержанием мирного соглашения. Четвёртый закон есть закон полного замыкания. Устойчивое завершение конфликта требует одновременного замыкания всех активных слоёв. Вероятность такого события падает мультипликативно с числом слоёв, поскольку каждый дополнительный слой умножает требуемые совпадения [11; 25]. Следствие объясняет главную статистическую загадку современности. Интернационализированные конфликты длятся кратно дольше внутренних, не потому, что внешние акторы злонамеренны, а потому, что каждый привнесённый слой добавляет несинхронные часы и новый контур конверсии [6; 15; 37]. Именно здесь стратиграфия даёт объяснение результату, зафиксированному количественной традицией без механизма [37].

5. Теоремы: аномалии как следствия

Первая теорема касается бесплодности военной победы. Победа замыкает локальный слой, но не трогает часов регионального и глобального. По закону конверсии активы победителя немедленно переоцениваются в незакрытых слоях, где против него открываются новые позиции. Сирийский перелом дал чистую демонстрацию. Военное решение локального слоя конвертировалось не в мир, а в интенсификацию региональной и глобальной торговли вокруг арены [8; 19]. Вторая теорема касается перемирий как фаз войны. Зоны деэскалации и прекращения огня суть замыкания участков локального слоя [31]. По второму закону высвобожденное насилие и ресурсы перетекают на незакрытые участки и этажи. Исследователи сирийских зон деэскалации зафиксировали ровно этот парадокс. Зоны сработали как перегруппировка войны, а не её остановка [24; 26]. Третья теорема касается множественности переговорных форматов. Каждый слой порождает собственный спрос на урегулирование. Отсюда закономерная фрагментация миротворчества. Женевский формат обслуживал глобально-нормативный слой, астанинский обслуживал регионально-военный, и они не конкурировали за один предмет, а работали в разных стратумах [26; 27; 41]. Их взаимная нечувствительность есть не дипломатическая неудача, а стратиграфический факт. Четвёртая теорема касается недостижимой зрелости. Совпадение готовности всех слоёв есть событие редкое и короткоживущее. Окно замыкания открывается внешними шоками, синхронизирующими часы, и закрывается прежде, чем внутрислойная дипломатия успевает его использовать [7; 20; 39]. Пятая теорема касается хронической войны как равновесия. Когда конверсионная прибыль всех ключевых акторов положительна, конфликт есть устойчивое состояние системы, а мир есть возмущение, которое система гасит [22; 23]. Военная экономика, статусные дивиденды присутствия и рента посредничества образуют коалицию бенефициаров, для которой продолжение конфликта рационально при любом состоянии предмета спора [18; 28; 42].

6. Проверка на критическом случае: сирийская стратиграфия

Сирийский конфликт выбран как случай максимальной документированной слоистости. Три слоя видны невооружённым глазом и зафиксированы литературой, то есть внутренняя война за власть [13; 14], региональное соперничество через клиентов [15; 16] и великодержавное противостояние [6; 17]. Все конкурирующие объяснения делают здесь проверяемые предсказания и не выдерживают их. Инструментальная логика предсказывает завершение после военного перелома. Перелом состоялся, завершение не наступило [8; 19]. Договорная логика предсказывает прекращение насилия после соглашений. Соглашения множились и блокировались, насилие перегруппировывалось [24; 32]. Стратиграфическая теория предсказывает наблюдённое в деталях. Несинхронность часов наблюдаема. Локальный слой прошёл пик и спад, пока глобальный лишь разгонялся. Ни в одной точке траектории все три слоя не были готовы к замыканию одновременно [6; 21]. Конверсия наблюдаема. Каждый значимый актор торговал между слоями, от обмена локальной лояльности на региональное оружие до конвертации военного присутствия в глобальный статус [15; 17; 18]. Осадконакопление наблюдаемо. Конфликт отложил классический осадочный комплекс, то есть частные военные структуры, экономику блокпостов и прецеденты безнаказанности. Именно этот осадок, а не исходный предмет спора, воспроизводил насилие в поздних фазах [23; 24]. Полное замыкание наблюдаемо в единственном эпизоде. Химическое разоружение 2013 года есть случай, когда внешний шок на мгновение совместил часы всех трёх слоёв и дал единогласное решение Совета Безопасности [29; 30]. Окно закрылось за месяцы, подтвердив четвёртую теорему [7]. Случай, наиболее неблагоприятный для любой однослойной теории, оказался прямым свидетельством стратиграфической.

7. Операционализация: профиль и индекс замыкания

Построение стратиграфического профиля опирается на сложившиеся в дисциплине процедуры кодирования конфликтного поведения [20] и количественной оценки исходов миростроительства [43; 44]. Стратиграфический профиль конфликта кодируется по четырём

параметрам. Это число активных слоёв, идентифицируемых по автономным парам «акторы и условия завершения». Это темп каждого слоя, измеряемый частотой значимых событий слоя на скользящем окне. Это интенсивность конверсии, измеряемая наблюдаемыми потоками ресурсов, вооружений и легитимации между слоями [15; 18]. Это объём осадка, измеряемый числом сохраняющихся вооружённых структур, масштабом военной экономики и плотностью прецедентов насилия [23; 42]. Индекс замыкания конфликта определяется как доля активных слоёв, в которых выполнены собственные условия завершения. Устойчивый мир предсказывается только при индексе, равном единице. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что продолжительность конфликта растёт с числом активных слоёв при контроле интенсивности насилия. Нечувствительность продолжительности к слоистости опровергает закон полного замыкания. Второе состоит в том, что частичные урегулирования, закрывающие один слой или его участок, сопровождаются на коротком окне ростом активности в незакрытых слоях. Отсутствие перетока опровергает закон конверсии. Третье состоит в том, что успешные завершения многослойных конфликтов группируются вокруг внешних шоков, синхронизирующих часы слоёв, а не вокруг кульминаций переговорного процесса. Обратная картина опровергает закон несинхронности. Четвёртое состоит в том, что вероятность рецидива предсказывается объёмом накопленного осадка лучше, чем содержанием и качеством мирного соглашения. Превосходство договорного предиктора опровергает закон осадконакопления. Пятое состоит в том, что переговорные форматы, обслуживающие разные слои, демонстрируют взаимную нечувствительность повесток. Их системная координация без синхронизации часов опровергает аксиому автономии слоёв. Проверка возможна на корпусе интернационализированных конфликтов новейшего периода с использованием событийных данных и документов переговорных процессов [10; 26; 44].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что это проблема уровней анализа. Это не так. У Д. Сингера уровни суть точки зрения наблюдателя на единый предмет [11]. Здесь слои суть части самого предмета, с собственными акторами и часами. Уровни анализа нельзя закрыть или синхронизировать. Слои конфликта можно, и в этом состоит различие между методологией и онтологией. Второе возражение гласит, что о вмешательстве и интернационализации написаны библиотеки. Это верно, и они описывают вмешательство как осложнение одной войны. Стратиграфия утверждает обратное. Базовым состоянием является множественность войн на одном поле, а чистая однослойная война есть вырожденный частный случай. Из смены точки отсчёта следуют иные законы и иные рецепты. Третье возражение гласит, что слои суть просто гибридность мира. Различие проходит по оси. Концепция гибридного мира описывает вертикаль между международными либеральными практиками и локальной агентностью, то есть взаимодействие внешнего и внутреннего в исполнении урегулирования [45]. Стратиграфия описывает горизонталь между автономными контурами противостояния, каждый из которых имеет собственные условия завершения. Первая объясняет, каким получается мир. Вторая объясняет, почему он не наступает. Четвёртое возражение гласит, что теория обесценивает миротворчество. Напротив, она его перенацеливает. Бессильно не миротворчество как таковое, а однослойное миротворчество в многослойном конфликте. Теория объясняет его поражения и указывает работающую стратегию, то есть синхронизацию часов и замыкание слоёв сверху вниз, от глобального к локальному, ибо верхние слои держат курс конверсии нижних [8; 27]. Отношение к традициям определяется соответственно. Стратиграфическая теория не отменяет ни инструментальную, ни функциональную, ни количественную конфликтологию. Она указывает каждой её слой и запрещает экстраполяцию за его пределы.

Заключение

Статья предложила общую теорию конфликта, выводящую его аномалии из его строения. Конфликт есть стратиграфическая структура, то есть наложение автономных слоёв с собственными акторами, ставками, аудиториями, часами и условиями завершения, связанных конверсией активов. Четыре закона, то есть законы несинхронности, конверсии, осадконакопления и полного замыкания, объяснили единым механизмом то, что прежде требовало разрозненных подгонок. Это бесплодность военных побед, превращение перемирий в фазы войны, фрагментация миротворчества, редкость зрелости и устойчивость хронических войн. Теория дала и объяснение результату, полученному количественной традицией без механизма, а именно связи числа акторов с правом вето и продолжительности конфликта. Сирийская проверка подтвердила и законы, и теоремы, включая самую жёсткую, то есть теорему о единственном окне замыкания, открытом внешним шоком и закрывшемся за месяцы. Практическое следствие обращено к миротворцу и формулируется жёстко. Договариваться внутри одного слоя многослойного конфликта значит финансировать остальные. Работающая стратегия начинается с картирования стратиграфии, продолжается синхронизацией часов и завершается одновременным замыканием, или не завершается вовсе. Исследовательская программа очевидна. Она включает стратиграфическое кодирование корпуса современных конфликтов, проверку пяти предсказаний и построение сравнительной стратиграфии арен великодержавного соперничества. Если программа выдержит проверку, конфликтология получит то, что физика получила от геологии её собственного предмета. Это способность читать войну по её слоям и датировать мир по моменту, когда все её часы пробьют одновременно.

Литература

1. Clausewitz, C. von. Vom Kriege / hrsg. von O. Corff. Berlin, 2010. S. 1–28.
2. Coser, L. A. The Functions of Social Conflict. Glencoe: The Free Press, 1956.
3. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. S. 224–238.
4. Vasquez, J. A. The War Puzzle. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
5. Vasquez, J. A. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings // World Politics. 1987. Vol. 40, № 1. P. 108–145.
6. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.
7. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 58–113.
8. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. p. 108-118.
9. Morgenthau, H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: McGraw-Hill, 1993.
10. Goertz, G., Diehl, P. F. Rivalries: The Conflict Process // What Do We Know about War? / ed. by J. A. Vasquez. Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. P. 177–219.
11. Singer, J. D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // World Politics. 1961. Vol. 14, № 1. P. 77–92.
12. Deutsch, K. W., Singer, J. D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. 1964. Vol. 16, № 3. P. 390–406.
13. Clement, N. O. Why Russia Is Involved in the Syrian Civil War: One Issue // Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales. 2019. Vol. 12, № 1. P. 95–105.
14. Иванов, С. М. Вмешательство иностранных государств в сирийский конфликт // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 7 (856). С. 17–23.
15. Yazıcı, H. Proxy Wars in Syria and a New Balance of Power in the Middle East // Journal of Management and Economics Research. 2018. Vol. 16, iss. 3. p. 1-10.
16. Ekşi, M. The Syria Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics // Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi. 2017. № 2. P. 106–129.
17. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.
18. Fox, A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare // Journal of Strategic Security. 2019. Vol. 12, № 1. P. 44–71.
19. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. p. 34–40.
20. Holsti, K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10, № 3. P. 272–296.
21. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.

22. Souleimanov, E. A., Dzutsati, V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? // Middle East Policy. 2018. Vol. XXV, № 2. P. 42–50.

23. Sukhankin, S. Russian PMCs in the Syrian Civil War: From Slavonic Corps to Wagner Group and Beyond. Washington: The Jamestown Foundation, 2019.

24. Jaecke, G., Labude, D. De-escalation Zones in Syria: Background and Status Quo of a Paradox. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. P. 1–7.

25. Dougherty, J. E., Pfaltzgraff, R. L. Contending Theories of International Relations. New York: J. B. Lippincott Company, 1971. P. 139–141.

26. Belhadj Klaz, S., Mariani, B. Fragmentation of Peacemaking in Syria: Reality and Perception. Edinburgh: PeaceRep, University of Edinburgh, 2022. P. 19–20.

27. Shabaneh, G. Geneva II Middle East Peace Conference. Doha: Al-Jazeera Center for Studies, 2013.

28. Kaldor, M. et al. Oil Wars. London: Pluto Press, 2007. P. 1.

29. United Nations. Security Council Requires Scheduled Destruction of Syria's Chemical Weapons, Unanimously Adopting Resolution 2118 (2013). New York: United Nations, Security Council, SC/11135. 2013. 27 September.

30. Notte, H. The United States, Russia, and Syria's Chemical Weapons: A Tale of Cooperation and Its Unravelling // The Nonproliferation Review. 2020. P. 1–16.

31. Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике (Астана, 4 мая 2017 г.) // МИД России.

32. United Nations. Security Council Fails to Adopt Resolution Calling for Ceasefire in Aleppo // UN News. 2016. 5 December.

33. Galtung, J. A Structural Theory of Aggression // Journal of Peace Research. 1964. Vol. 1, № 2. P. 95–119.

34. Imbusch, P., Zoll, R. Friedens- und Konfliktforschung: Eine Einführung. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. S. 69.

35. Kaldor, M. New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era. 3rd ed. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 1–14, 71–94.

36. Kalyvas, S. N. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 87–110, 364–387.

37. Cunningham, D. E. Veto Players and Civil War Duration // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50, № 4. P. 875–892.

38. Hellmüller, S. A Trans-Scalar Approach to Peacebuilding and Transitional Justice // Cooperation and Conflict. 2022. Vol. 57, № 4. P. 448–466.

39. Zartman, I. W. The Timing of Peace Initiatives: Hurting Stalemates and Ripe Moments // The Global Review of Ethnopolitics. 2001. Vol. 1, № 1. P. 8–18.

40. Walter, B. F. Conflict Relapse and the Sustainability of Post-Conflict Peace // World Development Report 2011 Background Paper. Washington: The World Bank, 2010. P. 1–24.

41. Lundgren, M. Mediation in Syria: Initiatives, Strategies, and Obstacles, 2011–2016 // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37, № 2. P. 273–288.

42. Collier, P., Hoeffler, A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56, № 4. P. 563–595.

43. Fortna, V. P. Does Peacekeeping Work? Shaping Belligerents' Choices after Civil War. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 1–24, 173–184.

44. Doyle, M. W., Sambanis, N. International Peacebuilding: A Theoretical and Quantitative Analysis // American Political Science Review. 2000. Vol. 94, № 4. P. 779–801.

45. Mac Ginty, R. Hybrid Peace: The Interaction Between Top-Down and Bottom-Up Peace // Security Dialogue. 2010. Vol. 41, № 4. P. 391–412.

Conflict Stratigraphy: Foundations of a General Theory of Multi-Layered Armed Confrontation

Bezkadi Fadi

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is a fundamental anomaly of contemporary conflict studies. Armed conflicts have ceased to end. Military victories do not produce peace, signed agreements do not stop violence, and the ripeness for resolution predicted by theory fails to arrive for decades. The aim of the work is to explain this anomaly not by the properties of individual conflicts but by the structure of conflict as such, and to build a general theory on this explanation. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the concept of conflict, the formulation of laws of motion of multi-layered confrontations, the derivation of theorems, and a test of the theory on a crucial case, namely the Syrian conflict as the confrontation with the highest documented layering. The results are as follows. Contemporary armed conflict is neither an event nor a process but a stratigraphic structure. It is a superposition of autonomous layers of confrontation, that is, local, regional and global. Each layer possesses its own actors, stakes, audiences, its own time and its own termination conditions. The layers are linked not by summation but by conversion, since actors exchange the resources, legitimacy and violence of one layer for positions in another. Four laws are formulated, namely the non-synchrony of clocks, inter-layer conversion, sedimentation and full closure. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the duration and recurrence of conflict are derived from its stratigraphic structure rather than from the unresolvedness of the disputed issue. A conflict lasts not because the parties have failed to agree but because its layers cannot terminate simultaneously, while unterminated layers reconvert any partial settlement into fuel. The theory is operationalised by the stratigraphic profile of a conflict and a closure index, and is supplemented with five falsifiable predictions. The principal conclusion is that peace is not the opposite of war but a rare state of simultaneous closure of all its layers, and that it should be pursued not by seeking compromise within one layer but by synchronising the clocks of all layers at once.

Keywords: conflict studies; conflict stratigraphy; multi-layered conflict; settlement; ripeness; internationalised civil war; recurrence of violence; conversion; conflict closure; Syrian conflict.

References

1. Clausewitz C. von. Vom Kriege [On War]. Hrsg. von O. Corff. Berlin, 2010, S. 1–28. (in German)
2. Coser L. A. The Functions of Social Conflict. Glencoe, The Free Press, 1956.
3. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung [Sociology: Investigations on the Forms of Sociation]. 7. Aufl. Berlin, Duncker & Humblot, 2013, S. 224–238. (in German)
4. Vasquez J. A. The War Puzzle. Cambridge, Cambridge University Press, 1993.
5. Vasquez J. A. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings. World Politics, 1987, vol. 40, no. 1, pp. 108–145.
6. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
7. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, Princeton University Press, 1976, pp. 58–113.
8. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. p. 108-118.
9. Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, McGraw-Hill, 1993.
10. Goertz G., Diehl P. F. Rivalries: The Conflict Process. In: What Do We Know about War? Ed. by J. A. Vasquez. Lanham, Rowman & Littlefield, 2000, pp. 177–219.
11. Singer J. D. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. World Politics, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 77–92.
12. Deutsch K. W., Singer J. D. Multipolar Power Systems and International Stability. World Politics, 1964, vol. 16, no. 3, pp. 390–406.
13. Clement N. O. Why Russia Is Involved in the Syrian Civil War: One Issue. Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 95–105.
14. Ivanov S. M. Vmeshatel'stvo inostrannykh gosudarstv v siriyskiy konflikt [The Intervention of Foreign States in the Syrian Conflict]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2018, no. 7 (856), pp. 17–23. (in Russian)
15. Yazıcı H. Proxy Wars in Syria and a New Balance of Power in the Middle East. Journal of Management and Economics Research, 2018, vol. 16, iss. 3. p. 1-10.
16. Ekşi M. The Syria Crisis as a Proxy War and the Return of the Realist Great Power Politics. Uluslararası Kriz ve Siyaset Araştırmaları Dergisi, 2017, no. 2, pp. 106–129.
17. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
18. Fox A. C. Conflict and the Need for a Theory of Proxy Warfare. Journal of Strategic Security, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 44–71.
19. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. p. 34–40.
20. Holsti K. J. Resolving International Conflicts: A Taxonomy of Behavior and Some Figures on Procedures. Journal of Conflict Resolution, 1966, vol. 10, no. 3, pp. 272–296.
21. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
22. Souleimanov E. A., Dzutsati V. Russia's Syria War: A Strategic Trap? Middle East Policy, 2018, vol. XXV, no. 2, pp. 42–50.
23. Sukhankin S. Russian PMCs in the Syrian Civil War: From Slavonic Corps to Wagner Group and Beyond. Washington, The Jamestown Foundation, 2019.
24. Jaecke G., Labude D. De-escalation Zones in Syria: Background and Status Quo of a Paradox. Berlin, Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020, pp. 1–7.
25. Dougherty J. E., Pfaltzgraff R. L. Contending Theories of International Relations. New York, J. B. Lippincott Company, 1971, pp. 139–141.
26. Belhadj Klaz S., Mariani B. Fragmentation of Peacemaking in Syria: Reality and Perception. Edinburgh, PeaceRep, University of Edinburgh, 2022, pp. 19–20.